

Автономное питание

«РАССКАЗЫ» МИНДАУГАСА КАРБАУСКИСА НА ФЕСТИВАЛЕ «ЗОЛОТАЯ МАСКА» представляет ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

ДМИТРИЙ КОСТЮКОВ/КОММЕРСАНТЪ

«Рассказ о семи повешенных»

ПАВЕЛ СМЕРТИН/КОММЕРСАНТЪ

ПАВЕЛ СМЕРТИН/КОММЕРСАНТЪ

«Рассказ о семи повешенных»

«Рассказ о счастливой Москве»

ДМИТРИЙ КОСТЮКОВ/КОММЕРСАНТЪ

«Рассказ о счастливой Москве»

ТРИДЦАТИСЕМИЛЕТНИЙ КАРБАУСКИС — редкий пример ранней режиссерской зрелости. Ставит он подчеркнуто неброско, преимущественно на камерных площадках и в основном раритетную для драматической сцены прозу. Литовские гены его спектаклей видны в тонкой метафорике, ироничная легкость и лукавая ажурность языка напоминают о школе Петра Фоменко. Когда два года назад Карбаускис уволился из театра Олега Табакова и ушел из подвалов «Табакерки» совсем уж в подполье, никто не обрадовался, но и не особенно удивился — мало кто в 2000-е годы проявил себя столь полно и глубоко, как этот рано и мощно начавший режиссер.

«Рассказ о семи повешенных» (2005) и «Рассказ о счастливой Москве» (2007) — две его последние работы — складываются в дилогию чисто конструктивно. Оба спектакля поставлены по прозе (Леонида Андреева и Андрея Платонова), в обоих она переводится на язык театра схожим образом. И там и там режиссер скользит между нарративом и действием, повествованием и

игрой, резкой карнавальной условностью и обостренным психологизмом. В «Повешенных» восемь актеров играют всех андреевских персонажей и читают текст от автора; в «Москве» персонажи тоже норовят выпрыгнуть из роли, поменять драматический статус. Смыкаются рассказы и тематически — оба о жизни, бьющей ключом после смерти и накануне ее. В «Счастливой Москве» под гибелью Карбаускис подразумевает революцию. Героям Платонова, в частности, Москве Ивановне Честновой, чуждо человеческое: выжив в аду первых пятилеток, они перешли на автономное питание от вечного огня. Жители дивного нового мира подвижны «едкой энергией жизни» — которая, по словам одного из платоновских персонажей, привносится в человеческий организм веществом, выделяемым в мгновение смерти.

В «Семерых повешенных» Карбаускис фокусируется на том, что непосредственно предшествует гибели, обходя идеологию, важную в первоисточнике. Казнь юных террористов берется как повод сце-

РЕЖИССЕР
СКОЛЬЗИТ МЕЖДУ
НАРРАТИВОМ
И ДЕЙСТВИЕМ,
(ПОВЕСТВОВАНИЕМ
И ИГРОЙ, РЕЗКОЙ
КАРНАВАЛЬНОЙ
УСЛОВНОСТЬЮ И
ОБОСТРЕННЫМ
ПСИХОЛОГИЗМОМ)

нически ступить жизнь в тех, кто стоит на пороге смерти. О страшном рассказано играючи: смертники сидят в камере, катаются по дощатому помосту, как по ледяной горке, всходят на эшафот, что есть мочи тузят друг друга подушками: одно слово, дети. Режиссер овеществляет разговор жизней, в котором жертва может вдруг оказаться палачом. Актриса, играющая девятнадцатилетнюю террористку, в следующем эпизоде появляется на сцене в роли старенькой матери своего товарища. Только выйдя из тюрьмы, она поняла, что не может уберечь сына от гибели. Она падает на скользком льду, поднимается, повторяет «я не могу» — снова и снова, как ритуал. По Карбаускису, это балансирование и есть зерно жизни, и он выращивает из него театр высокой пробы.

«Рассказ о семи повешенных»: Малый драматический театр — Театр Европы, 20 и 21 сентября, 19.00

«Рассказ о счастливой Москве»: Малый драматический театр — Театр Европы, 23 и 24 сентября, 19.00